

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Дарья Калинина

Плюшевая
засада

Смешные детективы

Дарья Калинина

Плюшевая засада

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Плюшевая засада / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2019 — (Смешные детективы)

ISBN 978-5-04-105358-1

Беззаботная Ната работала официанткой в тихом кафе своего зеленого райончика. Пока однажды после смены к ней не подкатил автомобиль, годящийся в коллекцию к арабскому шейху! А из него вышел писанный красавец и позвал Нату ехать с ним. К сожалению, он не повез Нату в закат, а попросил помочь найти любимую супругу своего состоятельного отца, мать семейства Елизавету Николаевну. Накануне она зашла в кафе Наты и не вернулась... За приличную сумму Ната, разумеется, согласилась ввязаться в это дело. Хотя вскоре начала понимать, что женщина не просто пропала, а сбежала. От охраны, от диктатора мужа, от жестоких детей и черт знает от чего еще...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105358-1

© Калинина Д. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дарья Александровна Калинина

Плюшевая засада

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Калинина Д.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Закрыв за собой дверь служебного хода, Ната вышла на улицу. Постояла, вдохнула запах распускающейся у теплой стены дома сирени, самый сладкий, самый любимый с детства запах, и подумала о том, до чего же ей повезло. Просто сказочно повезло, что родиться ей довелось именно тут.

Может, кому-то его родные края кажутся скучными, но Ната жила в своем районе уже больше трех десятков лет, а теперь еще и работала, и твердо считала его самым прекрасным местом на земле. Может, это происходило потому, что на ее памяти местность вокруг почти не изменилась. Как стояли дома, так они и стояли. Старые не снесли, новых почти не прибавилось. Разве что деревья в парке заметно подросли. Ната помнила их крохотными саженцами – тростинками, а теперь вымахали гиганты, переросшие крыши окружающих парк пятиэтажек. Но в целом мир вокруг Наты остался таким же, каким был в ее детстве. А в детстве, как известно, все всегда и у всех бывает замечательно.

Хотя нет, если вдуматься, кое-какие изменения в самом районе все-таки произошли. Ната всегда считала его самым милым, самым уютным, самым лучшим местом в городе, но все-таки далекими выселками. Но недавно она неожиданно обнаружила, что в их районе откуда-то взялись офисные здания, открылись какие-то конторы и появились торговые центры и магазины, которых тут сроду не было. Да и сам район вдруг ни с того ни с сего сделался привлекательным для малого, среднего и отчасти даже крупного бизнеса.

А все потому, что центр города как-то незаметно разросся и приблизился к ним, почти слившись с их районом в одно целое. Выселками теперь считались бывшие колхозные и совхозные поля, застроенные громадными массивами новостроек. У Наты в одном из таких кварталов жил нынешний молодой человек – Генка, так что она знала, что там за жизнь, не понаслышке. Вот там Ната чувствовала себя неуютно, словно зашла в гости, где ей не очень-то и рады. То ли дело тут, у них дома!

От этих безмятежных мыслей Нату отвлек автомобиль представительского класса, медленно проезжавший мимо нее. Двигался он не просто медленно, а как-то по-особенному важно. Казалось, автомобиль и сам сознает собственную значимость. Огромный. Блестящий. Весь сложенный из сплошных гладких линий, плавно перетекавших одна в другую. Несмотря на размеры машины, двигатель работал совершенно неслышно.

Ната с невольным любопытством проследила за ним взглядом.

Интересно, к кому это он направляется?

Все-таки хоть их район и сделался почти центром города, а заиленный пруд в их парке на рекламе риелторских агентств внезапно стал называться озером, но такие автомобили появлялись у них по-прежнему не так уж часто. Сверкающий лаком и хромом, этот автомобиль был из какой-то другой жизни. Из той, где мужчины даже зимой носят тоненькие штиблеты, потому что им не приходится скакать по морозным улицам. Где у женщин нежные мягкие ручки, не знающие даже самой легкой работы. Где все дети поголовно сияют неизменно белоснежными улыбками и лучатся безоблачным счастьем и здоровьем.

В общем, в съемках рекламы о шикарной жизни какого-нибудь нувориша этот автомобиль был бы как раз к месту. В коллекции арабского шейха он тоже смотрелся бы вполне уместно. А вот тут, на покоробленном жизнью и временем асфальте, среди блочных пяти- и семиэтажек, возле чахлах палисадничков, кое-как обустроенных местными пенсионерками, этот сверкающий красавец был ни уму ни сердцу.

– Свадьба у кого-то, что ли? Лимузин себе заказали.

Автомобиль не был лимузином, но Ната просто не знала, что это за компания выпускает в свет таких красавцев. Это же не машина, а настоящее произведение искусства. Таких просто

не может существовать много. Как и брильянт чистой воды и определенного размера – это штучный товар. И ему возле их крохотной столовой, только для виду называющейся кафе, совсем-совсем не место.

Но еще больше Ната удивилась, когда автомобиль, вначале проехав дальше, внезапно затормозил, а потом сдал задним и остановился уже перед ней. Ната даже не успела отреагировать, как передняя дверь открылась, из нее выскочил водитель. В униформе и белых перчатках! Не обращая никакого внимания на Натю, он услужливо распахнул дверь заднего пассажирского сиденья, из которой вышел мужчина, краше которого Натю в своей жизни видеть еще не приходилось.

Это был какой-то идеал! Воплощение всех женских ночных грез. Тот, о котором хочется мечтать и плакать из-за недостижимости этой мечты. И вот он стоит тут перед ней! Стоит и смотрит по сторонам, словно оценивает, нужно ли ему украшать собой этот грешный мир или лучше поехать куда-нибудь в местечко поинтересней.

Натю так и хотелось протянуть к нему руки, чтобы прикоснуться и поверить, что ей все это не кажется. Что эти темные волосы, зачесанные назад и лежащие безупречно красивыми волнами, ей не чудятся. Что прекрасная фигура с широкими плечами и узкими бедрами тоже тут. И что плавные движения, как у молодого леопарда, не мираж и не обман. И что глаза, манящие, словно самый сладкий грех, она видит наяву, а не во сне.

Натю судорожно сглотнула и только сейчас поняла, что стоит с разинутым ртом. С огромным трудом она вернула нижнюю челюсть на место. Но тогда выпучились глаза. Натю призвала глаза к порядку, тут же снова отвисла челюсть. Собрала глаза и челюсть в кучку, но задрожали и затряслись нижние конечности, того и гляди, упадешь. Просто рухнешь к ногам этого красавца!

А мужчина приближался. Он шел к ней! И тут он что-то сказал, обращаясь прямо к Натю. К ней одной! К единственной. Это был какой-то сон. Именно так Натю и подумала. И даже ущипнула себя за руку. Тут же стало больно. Выходит, не сон?

Незнакомец снова что-то сказал. Натю молчала. По безупречно прекрасному лицу незнакомца промелькнуло неудовольствие. Но от этого он, как ни странно, сделался еще красивей. И Натю затрепетала.

– Ты тут работаешь? В этом кафе? Сделай одолжение, я хочу видеть ту официантку, которая вчера работала в вашем кафе в утреннюю смену. Позови ее сюда.

Ценой огромного усилия воли – так напрягаться ей даже на экзаменах в ГИБДД не приходилось – Натю заставила себя ответить.

– Это была я.

Честно говоря, это была она и вчера, и позавчера, и третьего дня, и неделю, и месяц назад. Работала Натю без выходных. Только так из зарплаты официантки получалось хоть что-то приличное. Впрочем, с этим графиком легко можно было мириться. В субботу у них в кафе был укороченный день, они работали лишь до трех часов, а воскресенье и вовсе было у всего коллектива выходным днем. Правда, неоплачиваемым, но все же выходным.

Дело тут было не в человеколюбии Назара Павловича – их директора и одновременно хозяина. Просто их столовая, которую для солидности они решили назвать кафе, работала исключительно для сотрудников офисов и прочих учреждений, расположенных поблизости. А в выходные дни офисы сами не работали, стало быть, держать открытым столовую из-за двух-трех случайно забредших посетителей было нерентабельно.

– Вчера утром посетителей обслуживала ты? Одна?

Натю кивнула.

– Да.

И одновременно она подумала, что красавец никогда у них в кафе не был. Там было всего восемь столиков. Из них одновременно заняты от силы четыре. Из-за такого количества посе-

тителей совсем не стоит держать еще одну официантку. Нате и одной работа не всегда находилась, поэтому она также по совместительству трудилась и поваром холодного цеха. Успевала перед сменой нарубить разнообразных салатиков, которые затем и предлагались посетителям.

– Мой отец хочет поговорить с тобой.

И ночная греза сделал приглашающий жест, указав на машину. Нате немедленно стало любопытно, как же может выглядеть отец этого красавца. Почему-то вообразив, что этот господин ждет ее прямо в машине, она забралась туда. Там она временно ослепла от окружающего ее великолепия, утонула в мягчайших подушках, почти задохнулась в пропитанном благовонными ароматами салоне, и поэтому не сразу сообразила, что в машине, кроме нее, никого нету. Поняла это она в тот момент, когда дверь за ее спиной мягко хлопнула, и машина так же мягко тронулась и поехала.

Ната оглянулась и обнаружила, что на сиденье восседает тот самый красавец, который пригласил ее повидаться со своим отцом.

– А где же папенька? – пролепетала Ната. – Я думала...

Она не договорила, таким насмешливым и одновременно снисходительным взглядом наделил ее спутник. Нате немедленно стало жутко стыдно. Действительно, сваяла она дурака! Разве не понятно, что у человека, способного приобрести такую машину, каждая минута на вес золота. Станет он мотаться к какой-то там Нате. Если ему требуется поговорить с ней, то он пошлет за ней своего помощника или сына.

– А о чем он хочет со мной поговорить?

– Приедем – узнаешь.

– Просто я к тому говорю, что мы уехали, а у меня рабочий день.

– Тебе он будет оплачен.

– Один день? – невольно вырвалось у Наты.

– А сколько тебе нужно?

Взгляд у красавца теперь был высокомерный и одновременно брезгливый. Он ей сразу перестал нравиться. И Ната решила не церемониться.

– Не знаю, но выговор за самовольную отлучку мне Назар влечет обязательно. Или даже штраф.

Последнее Ната сказала специально, чтобы набить себе цену. Ее уже порядком стало раздражать, как этот красавец обращается с ней. И вовсе он не симпатичный. Красивый, конечно, тут спору нет. Но будь у нее столько денег, сколько есть у папаши этого красавца, небось она тоже выглядела бы ему под стать. Если разобраться, то никакой особой красоты нету, есть лоск, есть шик, есть стиль. Но все это приобретается за деньги, которых в этой семье, похоже, куры не клюют.

Дальше ехали молча. Принц не снизошел до разговора с Натой. А той было чуточку боязно. Она уже оправилась от окружавшего ее великолепия и стала соображать. Если убрать весь этот антураж, то ситуация вырисовывается неприятная. Едет она в машине одна с незнакомым мужиком, который куда-то ее везет, а куда, неизвестно. О том, что уехала, Ната никому не сказала. Номера увезшей ее машины никому не продиктовала. И теперь, случись с ней что-то плохое, никто даже не будет знать, где ее искать. И даже позвонить она никому не может, потому что вышла подышать воздухом, не взяв с собой заветной коробочки смартфона.

И Ната пролепетала:

– Мне бы позвонить!

– Кому?

– На работу.

– Помнишь номер телефона?

Ната кивнула, чем вызвала во взгляде Принца что-то похожее на изумление, смешанное с одобрением и приправленное капелькой зависти. Похоже, сам он такими способностями

похвастаться не мог и ни один номер телефона на память не знал. Ната не стала объяснять, что ее мама все еще мысленно живет в прошлом веке, а тогда смартфонов не наблюдалось, зато были стационарные телефоны, которым мама одним только до сих пор и пользуется. Ну а поскольку аппарат стоит у них дома, то и сама Ната частенько звонит с него. Все равно ведь, раз минуты оплачены, надо ими пользоваться. Функции запоминания номеров на их домашнем телефоне не имелось, поэтому Нате волей или неволей пришлось зазубрить на память несколько номеров, которыми она пользовалась чаще других.

Позвонив на работу и объяснив, что ей срочно пришлось отъехать, Ната немного успокоилась. В принципе дело уже идет к вечеру. В кафе справятся и без нее. Посетителей немного. А подать им может и Маринка – их буфетчица.

– Мариночка, дело чрезвычайной важности. Не могу тебе сейчас всего рассказать, но, поверь мне, не поехать я просто не могла. Человеку нужна моя помощь!

– Да видела я, как ты к какому-то brunetu в машину садилась. Хорош! Где ты только находишь их? А этот еще и богатый. И машина-то какая у него красивая! Везучая ты, Натка. Я вот уже третий год вообще без мужика хожу, а ты только и успеваешь, что из одной койки в другую прыгать. Счастливица!

Ната была рада слышать, что Маринка запомнила машину. Хотя ее и покорило мнение сослуживицы о ней. И ничего она из койки в койку не прыгает. У нее за последнее время только два новых романа и случилось. Ну и с прежними она тоже отношения не рвет. А к чему лишние драмы? Их в ее жизни и без того хватает. Иной раз чего от мужского пола и перепадает. То гвоздь приедут забьют, то картошку на даче маме выкопают, то еще какую приятность любимой женщине сделают. Но это все так, несерьезно.

И разве Ната такая уж счастливица? Счастье было бы найти ей того одного-единственного, который от нее ни к жене, ни к другой любовнице ночью не убежит, а останется спать с ней до утра, утром позавтракает, а вечером после работы снова придет к ней. И так изо дня в день, из года в год. Вот это счастье, а вовсе не то, когда у тебя кавалеров наберется с полтора десятка, толковых из них человека три-четыре, да и те в случае нужды то ли помогут, то ли нет, то ли смогут, то ли нет. Никакой определенности, а Нате очень хотелось бы видеть рядом с собой человека надежного, чтобы точно знать, что в случае чего он ее в беде одну не оставит.

В общем, Ната была твердо нацелена на замужество, а вот окружающие ее мужчины нет. Они все что-то мешкали, все о чем-то размышляли. Кажется, им вовсе не хотелось ни на ком жениться. Если и случалось им жениться на ком-то – не на Нате, разумеется, – то вид у них при этом был такой, словно бы они всходили на эшафот.

– Можно мне еще позвонить?

– Кому?

– Любовнику!

Красавец оторопел, но потом пришел в себя и кивнул:

– Диктуй номер.

Самой нажимать на клавиши он ей опять не дал. Наверное, боялся, что она своими пальцами заляпает ему весь экран дорогой игрушки. Заставки менялись на экране с такой скоростью, что у Наты даже в глазах зарябило.

– Соединение установлено. Говори!

Звонила она Гене. Нужно было его предупредить об изменении планов на вечер.

– Не приезжай сегодня за мной. Я не смогу с тобой никуда пойти. Извини.

Разумеется, Гена немедленно заявил, что это переносит все его планы на сегодняшний вечер в частности и жизнь вообще. Хотя еще сегодня днем он долго мурыжил Натю своей неопределенностью, ничего ей не обещая и лишь намекая, что, возможно, если все сложится благоприятно, звезды там встанут в нужное положение и пробок на дорогах не будет, то он, может быть – может быть, – и заедет за ней после работы. Но все это было до того, как Ната

ему прямым текстом отказала. Когда Ната напрашивалась на свидание, Гена вилял. Но стоило ей сказать: «Нет, мы сегодня не увидимся! Это невозможно!» – как Гена немедленно возжелал преодолеть все преграды и увидеть свою возлюбленную.

Убедившись, что Ната не флиртует с ним, а всерьез намерена провести время как-то иначе, он насторожился.

– А куда это ты намылилась? Пятница вечер. Ты мне говоришь не приезжать. Куда это ты собралась пойти вместо этого? Только не заливай, что домой спать.

– Потом объясню.

– Потом мне не надо. Я сейчас хочу знать.

Наверное, Натe удалось бы придумать что-нибудь нейтральное, чтобы успокоить ревнивого Генку, но вмешался владелец телефона.

– Ты еще долго будешь болтать? – сварливо поинтересовался он. – Мы уже почти приехали.

Разумеется, услышав мужской голос, Гена немедленно вообразил себе невесть что. Почуввав рядом с Натой соперника, он пришел в неистовство.

Таить свое недовольство Генка не умел и потому заорал:

– Что это за мужик? Кто это такой? Ты куда с ним сейчас едешь? К нему домой?

– Ладно, Геночка, я сейчас не могу разговаривать с тобой.

И, невзирая на вопли, которые неслись из трубки – Генка обещал за Натy порвать всех на куски, на клочки и клочочки, – Ната прервала разговор. На душе у нее было тяжело. Разговор сложился не так, как надо. Не надо было и звонить. Хотела как лучше, а получилось как всегда. Но она хотела лишь успокоить Гену, чтобы он не волновался, куда она делась. А получилось что? Обидно.

Генка – хороший мужик, основательный и домосед, из него мог бы получиться прекрасный муж. Одно плохо – ревнив. Вот и сейчас вообразил себе невесть что. Но хмурое настроение у Натy как ветром сдуло, когда она обнаружила, что Принц смотрит на нее теперь с интересом. Это был уже явный прогресс. Куда лучше, чем все прежние его чувства по отношению к ней. Глядишь, так они и до симпатии дойдут. А там и до вожеления или даже чего-нибудь еще похлеще.

Но первая же фраза, которую произнес Принц, дала Натe четкое представление, что путь к сердцу этого типа будет труднее, чем ей представлялось.

– Вот смотрю я на тебя, ведь глазу не за что зацепиться, из себя ты замухрышка замухрышкой. И что мужчина мог найти в такой?

– Можно узнать, тебя самого где воспитывали? На помойке? Манеры у тебя для свалки самые подходящие. Хотя мне встречались бомжи, воспитанные куда лучше твоего.

– Не сомневаюсь, что среди бомжей у тебя был большой круг общения.

Высказавшись, Принц замолчал. Ната тоже не рвалась продолжить общение. Ореол над головой красавца померк. Натe стало окончательно ясно, что ее новый знакомый совсем не так хорош, как показался ей вначале. Как говорится, не все то золото, что блестит. К привлекательной внешности и дорогой машине прилагался хамоватый наглец, одетый в нарядную упаковку. Так что остаток пути они проделали в молчании. Ехать нужно было в ближайший пригород, в дорогой коттеджный поселок с пропускным пунктом, вышколенной охраной, безупречно ровными дорожками, деревцами и общим запахом финансовой состоятельности, витавшей в этом месте.

Ната поискала глазами самый большой и вычурный дом, почему-то она была уверена, что отец этого самовлюбленного нахала должен жить именно в таком. И оказалась права. Они подъехали к некоему многоярусному сооружению, которое буквально подавляло своими размерами всякого, кто входил в него. Окна в два человеческих роста. Дверные проемы как в Приемном зале Кремлевского дворца. Ната была в полнейшем замешательстве.

Высокие потолки – это хорошо для официальных учреждений и представительских мероприятий. Но скажите на милость, к чему в обычном жилом доме потолки высотой под десять метров? Это уже как-то чересчур, знаете ли. Разве что хозяин этого дома принимал тут гостей государственного ранга.

Нате дом не понравился. Дорого, конечно, но как-то холодно и неудобно. К тому же ее заставили долго ждать. Привели, посадили на неудобное жесткое кресло, ни кофе не предложили, ни воды, ни покушать. Хорошо, что в вазе неподалеку стояли фрукты, которыми Ната и перекусила. К слову сказать, фрукты были отменные. Некоторые из них Ната видела впервые. Это как-то примирило ее с действительностью. К тому же она специально для мамы прихватила парочку необычных плодов – твердых и шершавых снаружи и необычайно сладких и сочных внутри. Распихала их по карманам и решила, что за моральный урон она компенсацию уже получила.

– Живут же люди. Наверное, на самолете им фруктики везут. Иначе никак.

Внезапно послышались шаги. Потом двери распахнулись, вбежали двое охранников, которые оббежали зал, а затем заняли боевые позиции по обе стороны от высокого кресла. Даже не кресла, а трона. Оно возвышалось над комнатой на добрых полметра благодаря тому, что установлено было на пьедестале. Ната устремила взгляд на дверь. Сердце у нее отчего-то забилося. Сейчас в эти двери войдет хозяин всего, что ее окружало. Человек влиятельный и успешный. С такими Нате раньше сталкиваться как-то не приходилось. Было отчего прийти ей в волнение.

Но, к ее удивлению, в дверь вошел совсем молодой мужчина. Пожалуй, ее ровесник. В меру упитанный, хорошо воспитанный, держался он приветливо и внушал симпатию. Хотя красавцем его никак нельзя было назвать. Волосы короткие, торчат ежиком. Глаза прячутся за щеками. Но посмотришь в них – и понимаешь, отличный парень, просто отличный.

Нате прямо с порога дружелюбно улыбнулся:

– Вы садитесь, в ногах правды нет.

Ната и сама не заметила, как вскочила со своего кресла. Теперь она опустилась обратно, не сводя с вошедшего взгляда.

– Позвольте представиться, Вячеслав Семушкин – частный детектив.

И молодой человек протянул Нате руку. Она оказалась у него неожиданно твердой. Ната тоже представилась.

– Вы работаете официанткой в кафе-столовой на проспекте Энергетиков?

– Да.

– Вас позвали сюда, чтобы задать несколько вопросов об одной особе, в судьбе которой крайне заинтересован хозяин этого дома – Горемыко Валентин Петрович. Человек он влиятельный. И если вы сможете быть ему полезны, то он щедро отблагодарит вас. Вы меня понимаете?

– А что случилось-то?

– Валентин Петрович очень озабочен. Пропала его супруга. И последнее место, где ее видели, было ваше маленькое кафе.

– Вчера утром у нас никого такого... – и Ната выразительно обвела взглядом вокруг себя, – не появлялось.

– Откуда время исчезновения знаете?

– Так этот... который меня сюда привез, интересовался, работала ли я вчера утром.

– Понятно. И что?

– Работала. Но посторонних не наблюдала. По утрам у нас совсем свободно. Народ начинает подтягиваться ближе к полудню.

– Дело было около часу дня.

– Ах вот как. Это уже потрудней. Это же у нас самое горячее время. С полудня и до трех мы мечемся, как савраски, чтобы всех обслужить. Всем ведь нужно побыстрее и в то же время людям сервис подавай.

– И все же попытайтесь вспомнить. Вот ее фотография.

И Слава протянул смартфон, в котором Ната увидела зрелую, можно сказать, даже уже чуток перезрелую женщину. Так бывает с яблоком, которое еще не успело испортиться, но уже потеряло товарный вид и былую сочность. На вид женщине было лет пятьдесят. И она ровным счетом никак не вписывалась в этот антураж. Волосы у нее были вытравлены химической завивкой, старомодная укладка, какие-то непонятные тряпки, которые были модными годами в восьмидесятых прошлого века.

– И это хозяйка этого дома?

– Это супруга хозяина этого дома, – деликатно ушел от прямого ответа Вячеслав. – Они давно живут отдельно.

– Ах вот как! Тогда ясно.

– И тем не менее, несмотря на различные интересы и раздельное проживание, супруги являются близкими людьми. И вот Елизавета Николаевна пропала. И Валентин Петрович хочет знать, куда внезапно исчезла его жена. Вы ее видели?

Ната старательно вгляделась в изображение женщины.

– Нет. Не было такой.

– Не может быть, – покачал головой Вячеслав. – Она вошла к вам в кафе. Было это около часа дня. Охрана ждала снаружи в машине. Когда прошло два часа, они решили, что Елизавета Николаевна отсутствует слишком долго, вошли в кафе, но женщины там не обнаружили.

– Она могла уйти через служебный ход.

– Я тоже так подумал. Но, когда я озвучил это предположение Валентину Петровичу, он заверил меня, что его люди из службы охраны знают свою работу. И возле служебного входа тоже находилась охрана.

Значит, жену хозяина пустили в кафе, но при этом все входы и выходы держались под наблюдением. Этакая иллюзия свободы. Такое поведение хозяина могло быть продиктовано искренней заботой о безопасности своей супруги, но могло иметь под собой и нечто совсем иное. И отчего-то Натe казалось, что второе предположение тут будет более правильным.

Глава 2

Разумеется, свою догадку девушка благоразумно держала при себе. И внешне ничем не проявила охватившего ее недоверия ко всей этой истории.

Вместо этого она любопытствовала:

– А кто тот парень, который привез меня сюда? Такой чернявый, похож на араба.

– Наверное, вы говорите про Романа. Это сын Валентина Петровича.

– Он не показался мне взволнованным.

– А почему он должен волноваться?

– Как же? Все-таки его родная мать пропала неизвестно куда.

– Нет-нет, – запротестовал детектив. – Насчет степени родства вы ошибаетесь. Мать Романа – это Маргарита. Маргарита Золотая, она погибла много лет тому назад. Роман остался без присмотра. И Валентин Петрович как порядочный человек и отец ребенка взял мальчика к себе в семью.

– И законная жена согласилась на это?

– У Елизаветы Николаевны большое сердце. Несмотря на то что у нее у самой было уже двое детей – Светлана и Георгий, она приняла Романа. Хотя, конечно, особой близости между ними не было.

– А отчего умерла родная мать Романа?

– Это всего лишь слухи, которые мне поведал человек из прислуги. Так вот, поговаривают, что Марго зарезал любовник. Она была певицей, выступала с аккомпаниатором. Вот этот гитарист ее и зарезал. То ли приревновал, то ли был сильно пьян. Маргарита и сама любила выпить. В свое время у них с Валентином Петровичем был бурный роман, от которого и появился на свет Роман. Но официально его родители никогда узамы брака не сочетались. И у Валентина Петровича за всю жизнь была и есть лишь одна супруга – Елизавета Николаевна, с которой они в браке вот уже больше тридцати лет.

– Которая сейчас куда-то пропала.

– И которую Валентин Петрович очень хочет найти и вернуть. И за вознаграждением дело не станет.

– А от меня что вам нужно?

– Мы полагаем, что Елизавете Николаевне помогли исчезнуть. И сделал это человек, который работает у вас в кафе.

– Кто?

– Я скажу. Но сначала скажите, вы согласны помочь?

Ната собиралась ответить, но не успела. В этот момент двери распахнулись, и в комнату стремительно влетел приземистый толстячок. Голова у него была круглая и совершенно лысая. Словно стремясь компенсировать отсутствие волос на голове, у мужчины росла густая окладистая борода. Лицо у него было красное. Ноги кривые. Одним словом, он был очень похож на гнома из сказок, так же деловит и серьезен. И, вероятно, являлся обладателем несметных подземных сокровищ.

Несмотря на несколько комичную внешность этого Гнома, как окрестила его про себя Ната, при его появлении охранники вытянулись во фронт, а Слава вскочил на ноги и замер в почтительной позе. Ната тоже поднялась, увидев, что Гном на полном ходу несется прямо к ней. Подошел. Замер. Внимательные умные глаза обшарили ее целиком, самую чуточку потеплели.

И Гном сказал:

– Хорошенькая какая! Значит, ты и есть моя помощница?

– Она еще не дала своего согласия, – заявил Слава. – Я как раз излагал Нате ваше предложение.

– А нечего тут излагать. Я хочу найти мою уважаемую супругу. За вознаграждением дело не станет. Если согласна, тут на пластике пятьсот тысяч. Бери и трать! Это не вознаграждение, это тебе на расходы на первое время.

Полмиллиона? На первое время? Он что, шутит? Ната молча тарасилась на протянутый ей прямоугольничек. Он был приятного для глаза золотистого цвета. И Ната мысленно уже представляла, как тратит находящиеся на этой карте денежки. Неужели так бывает? Но мужчина не был похож на обманщика. В конце концов, чем она рискует? Ну, поспрашивает среди своих в столовой, не видел ли кто у них эту тетку. И прежде чем Ната сообразила, что делает, рука ее уже сама собой поднялась в воздух и взяла пластик.

Очнулась Ната лишь после того, как карта оказалась в ее кармане. А Гном самодовольно ухмыльнулся.

– А что я должна делать? – спохватилась Ната.

– Слава с Романом все тебе объяснят.

И исчез. А следом за ним растворились и охранники. Как и не было никого. Зато перед Натой на столе появился поднос, на котором был сервирован чай со сладостями и тостами. Стол был накрыт на троих, так что Ната совсем не удивилась, когда к ним присоединился Роман. Он поглядывал на Славу покровительственно – с начальственным видом, но Слава и в ус не дул. Перед Романом он совсем не тушевался, спокойно поглощал угощение, запивая все крупными глотками чая, и то и дело подмигивал Нате, с которой быстро встал на короткую ногу.

Ната тоже отхлебнула напиток из чашки и изумилась его вкусу. Вроде бы просто чай, но какой аромат! И сил сразу прибавилось. Попробовала ореховое пирожное и почувствовала на губах восхитительный вкус миндаля и сливочного масла. Роман к своей чашке даже не прикоснулся. Не взял со стола ни единой шоколадки. Сидел с каменным лицом, портил окружающим настроение.

– Скажи ей, что от нее требуется, – холодно произнес он, глядя на безмятежно жующего Славу.

Тот кивнул, но жевать не прекратил. Роман помрачнел еще сильнее. Ему явно хотелось, чтобы его слушались так же, как и его отца, чтобы перед сыном трепетали так же, как и перед отцом, но этого не было.

– А где твои брат и сестра? Как их... Света и Гоша?

– Для тебя они Светлана и Георгий, – поправил Роман, всем своим видом давая понять, что не позволит кому-то со стороны фамильярничать в отношении членов его семейства. – Они сейчас заняты. Светлана у своего мужа. А Георгий... Он тоже занят делами.

Эта минутная пауза заставила Нату насторожиться.

– А ты учишься или работаешь?

– Я помогаю отцу.

– А твой брат учится? А сестра?

– Слушай, какое твое дело? А? – взорвался Роман. – Тебя наняли, чтобы ты вынюхала, к кому Елизавета Николаевна приходила в вашем вонючем свинарнике. И все! Тебе не надо лезть грязным рылом в нашу семью. Без тебя там хватает...

Он спохватился, замолчал и после паузы продолжил:

– У Елизаветы явно там, в вашем общепите, был кто-то свой, кто и помог ей бежать.

Ага! Все-таки бежать! Вот Роман и проговорился. Но Ната притворилась, что ничего не поняла. Она даже сделала вид, что предостерегающего взгляда Славы, который тот метнул на Романа, тоже не заметила. Но про себя она кое-какие выводы сделала. Похоже, зря она взяла эти полмиллиона. Не так все просто в этом семействе. Но, с другой стороны, чтобы заработать полмиллиона, при обычном раскладе ей нужно вкалывать целый год. И то еще не факт, что сумеет собрать такие деньги. Скорей всего, они расползутся в неизвестных направлениях, утекут сквозь пальцы, словно вода. А тут вся сумма, заботливо кем-то другим скопленная и

собранный, достанется одной Нате! И надо-то всего лишь найти эту тетку или, по крайней мере, сделать вид, что усердно ищешь ее.

– Обидно слышать, как ты отзываешься о нашем заведении. Свинарник! И вовсе у нас не свинарник, а, напротив, все очень чистенько и мило. И очень может быть, что этой толсту... то есть Елизавете Николаевне наше место кто-нибудь рекомендовал из ее знакомых.

– Вот-вот! – оживился Слава. – Про знакомых в первую очередь ты и должна узнать. Кто-то помог женщине исчезнуть. И твоя задача – узнать, кто это был такой или такая.

– И все?

– Пока что да.

– Если вы подозреваете, что в нашем кафе работает человек, который помог Елизавете Николаевне исчезнуть, а значит, явно действует против Валентина Петровича, то крайне неразумно было приезжать ко мне на работу на такой машине и светиться перед нашими.

Слава взглянул на Романа с удивлением.

– Ты что, прикатил за ней на «Бентли»? Не мог пару шагов сам сделать?

– Ничего же не случилось. Нас никто не видел. И в любом случае Толстуха понимает, что ее будут искать. И в первую очередь придут в кафе. Ничего удивительного, что кто-то из нашей семьи приехал в то место, где ее видели в последний раз.

– Но ты увез с собой Нату. Дураку ясно – чтобы попытаться ее завербовать на свою сторону. Теперь сообщник беглянки знает, кого ему нужно опасаться. Он и рта не раскроет при Натке.

– Тогда надо сделать так, чтобы он поверил, что Ната нам в помощи отказала.

– И как ты это сделаешь?

– Можно ее поколотить, – предложил Роман, и в глазах у него загорелся нездоровый энтузиазм. – Поставлю ей фингалы под оба глаза. Нос разобью. Отмутужу по полной программе. Вернется к своим, скажет им, что я напал на нее прямо в машине, едва тронулись с места. И что она от меня еле удрала. И поговорить мы с ней ни о чем не успели. Ну как? Годится мой план?

Ната думала, что Слава примется активно возражать. Но ошиблась.

– Мысль хорошая, – одобрил он.

Но тут уж сама Ната решительно восстала против:

– Еще чего! Не позволю себя колотить!

– Ты подписалась. Деньги взяла.

– Забирайте свои деньги! Бить я себя не позволю!

– Эгоистка!

– Пусть так! Зато с целым носом!

Слава взглянул на Романа.

– И что нам делать?

– Можно синяки ей просто подрисовать. Конечно, это будет выглядеть не так убедительно, эффект не тот, да и сломанный нос красками не изобразишь. Но раз уж она заартачилась...

Мужчины еще раз прочли Нате лекцию на тему того, что иногда надо уметь жертвовать собой во благо своих близких. Но Ната их речью не впечатлилась. Поэтому пришлось звать какого-то Гришеньку, который оказался проворным юрким малым с нежными, почти женскими руками, которые долго порхали возле лица Наты. Когда он закончил, то Ната сама испугалась своего отражения в услужливо подсунутом ей Гришенькой зеркале.

– Ой, мамочка! Это что?

Из зеркала на нее смотрела уродливо раздувшаяся физиономия, оба глаза заплыли, нос смотрел набок. Но мужчины были довольны. Они заверили Нату, что все получилось отлично.

– Теперь всякий, кто тебя увидит, мигом поймет, что мы с тобой ни о чем договориться не сумели.

– Скажешь, что я посадил тебя в машину и сразу попытался тебя изнасиловать. Ты отбилась и вот... Результат налицо, вернее, на лице.

– А мне поверят насчет изнасилования?

– Не волнуйся, кто меня знает, обязательно поверит.

И Роман так странно ухмыльнулся, что Нате стало страшно. Она взглянула на Славу.

– Да, – подтвердил Слава. – Репутация у Романа такая... соответствующая. Со своими женщинами он не церемонится.

– Они у меня по струнке ходят, – ухмыльнулся тот. – Капризов или кривляний я не потерплю. Мигом в рожу получают и тихие становятся.

И Нате он сразу же категорически разонравился. Быстро и навсегда. Последние иллюзии улетучились прочь. Да, внешность у Романа впечатляющая, но и кулаки нехилые. А получать по роже таким вот кулаком Ната была не согласна даже от такого писаного красавца и богатенького сыночка, каким являлся Роман. Если кому нравится такой стиль общения с кавалером, то на здоровье. А она, Ната, лучше поедет честно зарабатывать свои полмиллиона.

– Что мне нужно сделать? С кого начать?

– Это ты, голубушка, решай сама. Мы тебе всю необходимую информацию предоставили.

Ой ли? Что-то Нате казалось, что сильно много от нее ребята утаили. Но говорить вслух она этого не стала, памятуя, что заветные полмиллиона еще не обналичены и в любой момент могут быть у нее отняты.

– Фотографию Елизаветы Николаевны я тебе скинул. Роман тебя подвезет, за пару кварталов высадит, пойдешь дальше пешком. У своих горько плачь и жалуйся на какого-то мерзкого смазливую уроду на дорогой тачке, который от тебя невесть что хотел, физиономию тебе всю расквасил и едва не убил. Дави на жалость, как только можешь.

– Скажу, что пойду заявление в полицию писать.

– Сказать можешь.

– Но только не вздумай в самом деле заяву на меня накатать, – встревожился Роман.

– И самое главное, смотри в оба глаза, кто и как будет реагировать. Можешь упомянуть имя Валентина Петровича. Дескать, это он за всем этим безобразием стоит. И снова в оба глаза смотри. Кто из твоих коллег в этот момент побледнеет или отлучится, чтобы позвонить, тот сообщник нашей Толстухи и есть.

– А если такого не обнаружится?

– Значит, плохо смотрела.

– Я имею в виду, а если у нас в кафе никакого сообщника вовсе не имеется? Вот с чего вы взяли, что он там есть?

– Тому есть причины. Во-первых, поведение самой Елизаветы Николаевны, которой внезапно вздумалось перекусить, хотя ехали по делу и остановки не были запланированы. Но она устроила скандал, что у нее будет голодный обморок, а потом настояла, чтобы ее везли именно в это кафе.

– Возможно, это случайное совпадение. Она просто хотела улизнуть от охраны. И ей это удалось сделать лишь в нашем кафе.

– Оба выхода находились под наблюдением. Ни через главный, ни через служебный женщина, похожая на Толстуху, не выходила.

– Возможно, дежуривший у служебного хода охранник зазевался. Или просто вступил в сговор.

– Охранников было четверо. Двое остались у главного входа, двое отправились караулить служебный ход.

Четверо охранников для одной-единственной немолодой дамы! Ситуация казалась Нате все более загадочной.

– Почему же никто из охранников не прошел внутрь кафе?

– Инструкцией это не предусматривалось. Это же охрана, а не надзиратели. Елизавета Николаевна сказала, что хочет пообедать. Охранники ограничились тем, что зашли внутрь кафе, осмотрели местность, убедились, что там все спокойно, подозрительных лиц, способных причинить женщине вред, не наблюдается, и вышли на улицу.

– Но не могла же эта дама просто улетучиться из нашего кафе. Третьего выхода у нас нету. Если она не выходила ни через главный, ни через служебный, значит, она до сих пор там. Спряталась где-нибудь в подсобке или чулане и сидит себе.

– Невозможно. Охранники вели наружное наблюдение за кафе до самого закрытия. Когда все сотрудники удалились, охранники вошли внутрь и все там осмотрели.

– Как это вошли? – оторопела Ната. – Как это осмотрели? Кто им разрешил это сделать? Роман высокомерно улыбнулся. И стало ясно – он полагает, что охранникам Валентина Петровича не нужно специальное разрешение на то, чтобы куда-то войти и что-то осмотреть. Оно им просто не требуется, потому что Валентин Петрович выше таких мелочей, как понятие неприкосновенности чужой собственности. И Нате пришлось молча проглотить тот факт, что прошлой ночью в их кафе вторглись чужаки и сделали все, что им было нужно.

– Так вот, – продолжал Роман, – самой Толстухи мы не обнаружили, зато нашли ее одежду.

Тогда стало окончательно ясно, что кто-то в кафе помог женщине переодеться в другое платье. И, замаскировавшись, она смогла покинуть кафе через служебный, а возможно, что и через главный ход.

– Потому что ребята, которые дежурили у выходов, были заточены на тетку в красном полупальто. А если, допустим, вышел мужик в мешковатой куртке и кепке, то на него никто и внимания не обратил.

– И вы не знаете, как теперь выглядит и во что одета Елизавета Николаевна?

Роман покачал головой.

– И где и у кого она укрывается, тоже не знаем.

– Но если у Елизаветы Николаевны возникло желание ускользнуть от охраны, может, нужно принять это к сведению и уступить ее желанию? Она ведь свободный человек или как?

У Романа на лице появилось выражение жалости и какой-то брезгливости. Он теперь смотрел на девушку как на конченую идиотку, место которой в дурдоме.

А Слава объяснил:

– Совершенно не важно, чего хочет сама Елизавета Николаевна. Важно лишь то, чего хочет ее супруг. А Валентин Петрович желает убедиться, что с его супругой все в порядке.

– У него есть основания сомневаться в этом?

– Есть. Дело в том, что такая плотная охрана у Елизаветы Николаевны была не всегда. Многие годы она жила в доме, который купил ей муж, занималась садом и цветами, растила внуков.

– Минуточку! А внуки откуда?

– У Валентина Петровича есть три внука. Я не сказал? Все они родились от Светланы. У нее двое мальчиков от первого брака – десяти и одиннадцати лет и один ребенок – девочка, от второго, ей шесть. Сейчас Светлана замужем третий раз, свадьба состоялась в апреле. Надо полагать, что дети от прежних союзов новобрачным слегка мешают, вот их временно и сплывили к бабушке. Тем более что у нее и фруктовый сад, и ягоды на грядках, и озеро, и пони, а наскучат пони, так есть всевозможные там гидро- и квадроциклы. Дед на подарки своим внукам не скупится.

– И кто присматривает за детьми сейчас, когда нету бабушки?

– Няня... гувернантка... Или Антонина. Не знаю. Какая разница?

Роману этот вопрос казался несущественным, а вот Нате, напротив, он казался наиболее важным. Если Елизавета Николаевна такая преданная бабушка, она нипочем не оставит

маленьких детей без своего надзора. Мальчики десяти и одиннадцати лет, оставь их одних, запросто могут потонуть на тех же гидроциклах или убиться, спускаясь с горы на квадроциклах. И пусть не лично, но Елизавета Николаевна все же постарается контролировать, чтобы у детей все шло гладко. Значит, даже пустившись в бега, она должна будет периодически связываться с няней, гувернанткой или этой Антониной.

– Антонина – это кто?

На сей раз ответил Роман.

– Подруга. Очень старая и давняя приятельница, которая вот уже много лет живет вместе с Толстухой за счет моего отца. Но он не против. Общество Антонины развлекает Толстуху. Да и за детьми она помогает присматривать. Толстуха довольна. По правде сказать, она отцу не доставляла особых хлопот. Даже непонятно, какая муха укусила ее сейчас.

Так что же могло вынудить женщину, у которой полностью устоявшийся быт и семья, пуститься в бега? Только одно – ее жизни могла угрожать нешуточная опасность.

– Дело в том, что Елизавете Николаевне стали приходить письма с угрозами. Некий человек, подписывающийся Тарантулом, требовал от Елизаветы Николаевны вернуть ему то, что ее муж у него украл. Сперва Елизавета Николаевна не придавала этим угрозам особого значения. Жизнь она вела тихую и исключительно добропорядочную. Ей казалось, что ничто не может ей навредить. Но затем на ее дом был совершен налет. Произошло это в отсутствие жильцов. Пострадала лишь обстановка и один дворовый пес, которого несколько раз пырнули ножом.

– Ой, как собачку жалко, – вздохнула Ната.

Роман презрительно фыркнул. Мол, вот дура, собаку жалеет.

Но добрый Слава поспешил утешить Натю:

– Животное выжило и даже получает теперь пожизненный пансион, потому что доблестно исполняло свой долг и защищало дом. Больше никто не пострадал, но в доме устроили настоящий погром. Что искали, никто не знает. После случившегося Валентин Петрович усилил охрану дома своей супруги. Он провел сигнализацию, установил тревожную кнопку, заодно купил в помощь пострадавшему ветерану двух молодых овчарок, каждая из которых в одиночку способна разорвать несколько человек. Но тем не менее спокойствие не наступало. Письма продолжали приходить, источник их установить не удалось. И, хуже того, следующее нападение случилось уже на машину Елизаветы Николаевны, когда та отправилась в супермаркет. Внезапно на дороге ее прижал к обочине чей-то незнакомый автомобиль, из него выскочили двое мужчин, которые попытались вытащить Елизавету Николаевну на дорогу. Женщина оказала им сопротивление. Антонина была с ней, она отстреливалась из травмата, который обязал ее возить с собой Валентин Петрович. Каким-то образом двум женщинам удалось отбиться от нападающих, они сбежали. У них оказались лишь легкие травмы, да пострадала сама машина, в которой была порвана обивка и разбиты стекла. Но теперь стало ясно, что опасность куда серьезней, чем представлялось вначале. И Елизавете Николаевне была выделена личная круглосуточная охрана.

Охрана, от которой женщина постаралась избавиться. Как же все это непросто.

И Ната сказала:

– Мне кажется, что начать надо с этой Антонины. Если кто и знает, где сейчас Елизавета Николаевна, то это она.

Ее совет сильно не понравился Роману.

– Ты лучше делай то, ради чего тебя наняли, а строить догадки мы будем сами.

– Воля ваша. А только поговорить с Антониной было бы не лишним.

Роман не снизошел до ответа. А вот Слава объяснил:

– Это невозможно. Антонина не станет общаться ни с кем из людей Валентина Петровича. Она его ненавидит. Считает, что он загнал законную жену в медвежий угол, запер ее в тюрьме, а сам в это время кутит напропалую, меняя девиц как перчатки.

– А это, конечно, не так?

– Может, и так. Но Елизавету Николаевну такое положение дел вполне устраивает. Да, фактически у нее нету мужа, но зато у нее есть крыша над головой, она не стеснена в средствах, детям и внукам позволено к ней приезжать так часто, как они этого захотят. Даже с мужем женщина может видаться. Единственное, что они не живут под одной крышей и не спят в одной постели.

А не это ли и есть самое главное в любом союзе? Возможность ежечасно и ежеминутно осязать своего супруга, прикоснуться к нему словом или лаской. И всего этого Елизавета Николаевна была лишена многие годы.

– Сколько же она так живет? Отдельно?

– Лет пятнадцать... может быть, двадцать. Или даже двадцать пять.

– А сейчас ей лет пятьдесят.

– Пятьдесят пять.

Если от пятидесяти пяти отнять двадцать пять, то получается, Валентин Петрович отлучил от себя супругу, когда той было всего лишь тридцать лет. Совсем молодая женщина, которую муж обрек на одиночество. Ведь даже просто изменить супругу, не говоря уж о том, чтобы завести постоянного любовника, Елизавета Николаевна не могла. Или... все же могла?

И что же произошла за ссора промежду двух супругов, что они расстались и стали жить каждый своей жизнью, отдельно один от другого? Что-то определенно произошло. Измена Валентина Петровича стала виной разлада в семье? Скорей всего, так и было. Но почему его жена не стала требовать развода, почему просто не ушла от изменника? Из-за денег? Но она была еще совсем молода, могла бы устроить свою жизнь с другим мужчиной, возможно, ничуть не менее богатым. Нет, она предпочла жить в уединении. Опальная супруга под властью тирана мужа.

И чем дольше думала Ната над странным исчезновением супруги олигарха, тем отчетливей ей казалось, что надо бы навеститься в тот домик, где прошли годы заточения Елизаветы Николаевны. Но думать Ната могла что угодно. А заняться ей предстояло тем, что поручено.

Глава 3

Как Ната и ожидала, в кафе ее подбитые окуляры и распухшая и посиневшая физиономия произвели фурор. Особенное впечатление произвел свернутый набок нос.

– Бедная! – слышалось со всех сторон. – Какой гад! Он же тебя изуродовал!

А буфетчица Марина твердила:

– С таким лицом ты не сможешь работать.

В голосе Марины слышалось сочувствие, но глаза победоносно сверкали. Она уже давно примерялась к должности Натки, а теперь впереди нарисовался реальный шанс стать хоть на время официанткой. И Марина торжествовала.

– Тебе очень больно? – возникла полная сочувствия мойщица тетя Нюра. – Может, холодненькое приложить?

– У меня замороженная говяжья вырезка есть, – добавила повариха Аглая. – Как раз подойдет по форме.

От вырезки Ната отказалась, побоялась, что потечет наложенный на нее грим. Хотя Гришенька и уверял, что грим самый что ни на есть водостойкий, что в нем можно и рыдать, и потеть, и даже мыться, но Ната ему не сильно поверила.

– Как же это тебя угораздило? Что с тобой случилось?

Это уже появилась их заведующая – дородная и пышная Анна Семеновна. Она внимательно выслушала рассказ Наты. А девушка не пожалела красок, описала, как ужасно с ней обошелся красавец на дороге машине.

– Сначала таким ласковым казался, разговаривал вежливо, прокатиться предложил, а как я в машину села, сразу же начал от меня требовать, чтобы я ему сказала, куда делась Елизавета Николаевна. Я ему говорю, понятия не имею, кто такая, отвали. А он озверел, все лицо мне расквасил, потом насильничать пытался, а как я ему отпор дала, из машины вышвырнул и уехал. Километров за пять увез. Насилу назад добралась. Пешком шла. Кровища из носа ручьем текла, вот меня никто к себе в салон пускать и не хотел.

– Кошмар!

– В полицию идти надо.

– Да что им полиция! У них вся полиция вот где сидит.

– Не скажите, небось не девяностые, мигом управу найдут.

– Захотят – найдут. А не захотят – замнут дело. Ты номер машины запомнила?

Ната номер запомнила. И продиктовала. И повторила, что злодею на шикарной машине была нужна Елизавета Николаевна. И что он говорил, что всюду ее ищет и уверен, что она прячется у кого-то из них. Все время рассказа Ната бдительно наблюдала за своими коллегами. Но на их лицах читалось лишь искреннее недоумение, что за таинственная Елизавета Николаевна стала причиной несчастья, случившегося с Натой. Никто не поторопился вслух оповестить остальных о том, что знает эту женщину лично. Но Ната на такую удачу и не надеялась. Напротив, теперь она понимала, что тот, кто помог Елизавете Николаевне вчера бежать от охранников ее мужа, теперь еще сильнее насторожится.

Постепенно все разошлись. Возле Наты осталась одна Маринка. Она уже несколько раз и так и эдак заходила в разговор, что Натке нужно сесть на больничный.

– Ты не волнуйся, я запросто тебя заменю. Выздоровливай спокойно. Хоть неделю на больничном сиди, хоть месяц!

– Ага! А через месяц ты скажешь, что отлично справляешься со своими новыми обязанностями. И что я могу проваливать.

– Как ты можешь так думать! – обиделась Маринка. – Я тебе по-дружески хочу помочь, а ты!..

Но не ушла, а продолжала настырно уговаривать Натю, что той нельзя в таком виде показываться на глаза посетителям. Ната и сама понимала, что нельзя.

– Один день, Маринка! – строго сказала она. – Только на одну смену подменишь меня! Завтра. Запомнила? Одну смену! К понедельнику я очухаюсь и выйду на работу, как обычно.

– Согласна! – захлопала в ладоши Марина. – Ой, Наточка, ты себе даже не представляешь, какой хорошей официанткой я буду!

Ната хотела скептически улыбнуться, но ей помешал хитрый пластырь, которым Гришенька склеил ей лицо. Вышло нечто такое кривое и уродливое, что Маринка испуганно пискнула и тут же испарилась.

– Побежала к Анне Семеновне договариваться о завтрашней подмене, – прокомментировала тетя Нюра. – Не боишься, что подсидит тебя Маринка? Она давно на твое место метит.

– Пусть попробует.

Ната знала, что именно не дает покоя Маринке. У девчонки сложилось ошибочное мнение, что официанты буквально купаются в щедрых и обильных чаевых, которые оставляют им клиенты. Один раз дальнзоркая Маринка из-за своего прилавка увидела, как кто-то из посетителей оставил Натю сто рублей. Страдая от природы неуемным воображением, Маринка тут же помножила эти сто рублей на количество клиентов, в мечтах оделила многих лично ей симпатичных клиентов неслыханным финансовым благополучием, мысленно увеличив размер оставляемых ими чаевых в два или даже три раза, и получилась у нее в итоге очень даже приличная сумма.

И с тех пор Маринка потеряла всякий покой. Эти деньги не давали ей расслабиться. Маринке очень хотелось положить их в свой карман. Все клятвы и заверения Натю, что подобная щедрость среди их по большей части считающих каждую копейку клиентов просто невысказана, пропадали втуне. Маринка ничего не хотела слышать о том, что за клиентами самими нужен глаз да глаз, а то норовят вручить рваную купюру или вовсе заплатить меньше, чем указано в чеке. А уж появление пластиковых карт и вовсе свело систему чаевых к сущему мизеру. Ничего этого Маринка просто не желала слушать. Она была твердо уверена, что Ната пытается ее обмануть, скрывая от нее и вообще от всех в кафе свои прямо-таки фантастические доходы.

Вернулась сияющая Марина, которая всем объявила, что теперь она их новая официантка.

– Только на завтрашний день, – напомнила ей Ната.

Но Маринка сделала вид, что не слышит. Ей так не терпелось приступить к исполнению своих новых служебных обязанностей, что она тут же начала выпроваживать Натю.

– Ну, иди-иди! Чего тебе тут синяками своими светиться. Так ты мне всех клиентов распугаешь!

Натю было одновременно смешно и немного тревожно. А ну как и впрямь шустрая девчонка подсидит ее? Куда тогда денется Ната? Куда пойдет работать? Образование у Натю, конечно, есть. Хорошее высшее педагогическое образование. Но специальность очень уж непопулярная. Ната, видите ли, была преподавателем ручного труда у мальчиков. А кто нынче в школах, скажите, пожалуйста, пилит, строгают и стучит молотком? Нынче мальчики, как примерные девочки, вышивают на пяльцах, готовят пирожки и шьют переднички. Программа одна для обоих полов, сдвинута она куда-то сильно в матриархат. А в бывших школьных столярных мастерских давно разместились залы для конференций или малые спортивные залы для занятий физической культурой. Нет, физкультура – это прекрасно, но парень должен уметь что-то и своими руками мастерить.

– Ох, не потерять бы мне свою работу, вот чего.

И полмиллиона сразу стали казаться Натю чем-то несущественным. Полмиллиона хороши лишь как добавка к основному доходу, а сами по себе они разойдутся вмиг. И как бы Натю, гоняясь за журавлем в небе, не упустить ту синицу, что уже у нее в руках.

– Ната, тебя просит зайти к ней Анна Семеновна.

Девушка поспешила в закуток, где сидела Анна Семеновна.

– Я разрешила Маринке пока что поработать за тебя.

– Спасибо.

– Сходи к врачу, оформи больничный. Будем тебе платить по страховому случаю. Много не получишь, но совсем без денег тебя тоже не оставим.

– Спасибо.

– А теперь насчет того, что с тобой случилось. Я слышала, что от тебя требовали какую-то Любовь Николаевну вернуть?

– Да. Вернуть. Только не Любовь Николаевну, а Елизавету Николаевну.

– И как ты думаешь, кто это такая?

– Я не знаю. А этот ненормальный, который на меня набросился, и его папаша считают, что эта женщина прячется у кого-то из нашего кафе то ли дома, то ли в какой-то квартире.

– Ах, вот как они считают. Ну, пусть они так себе и дальше думают.

И на губах Анны Семеновны заиграла довольная улыбка. Похоже, ей очень понравилось то, что она услышала от Наты. А сама Ната была готова поклясться, что Анна Семеновна и была тем человеком, который помог вчера исчезнуть беглянке. Почему? Во-первых, у них было какое-то неуловимое сходство, какое появляется между близкими людьми. Женщины были примерно одного возраста. Обеим было слегка за пятьдесят. И они запросто могли оказаться подругами. Во-вторых, именно закуток Анны Семеновны находился непосредственно между залом и служебным ходом. Это было сделано не просто так, а со смыслом. Находясь на своем рабочем месте, Анна Семеновна могла контролировать всех любителей подымить или подышать свежим воздухом. Не то чтобы это вовсе не разрешалось, но все-таки и не поощрялось. «На работе надо работать» – так любила повторять Анна Семеновна.

Но в то же время в начальственный закуток можно было шмыгнуть прямо из зала. Сделать вид, что идешь в туалет, а самой нырнуть к Анне Семеновне, быстренько там переодеться в заранее приготовленную одежду, а затем выйти через служебный ход и скрыться. У остальных сотрудников просто не было возможности, чтобы помочь беглянке. А вот у Анны Семеновны была.

Об этом Ната и доложила Славе, едва выйдя из кафе. Направляясь к себе домой, Ната набрала номер детектива и отчиталась ему о проделанной работе.

Девушка ожидала, что ее похвалят, но в ответ лишь услышала:

– Я так и думал. Ты лишь подтверждаешь мои догадки.

Ната даже хотела обидеться, но потом передумала и спросила:

– И что вы будете делать? Допросите Анну Семеновну?

– А что мы ей предъявим? Она скажет, что знать ничего не знает. И мы будем вынуждены извиниться и отпустить ее. Не на дыбе же нам ее подвешивать, честное слово. Нет, сделаем вид, что верим ей. А сами проследим за ее передвижениями.

– Ну-ну, – хмыкнула Ната. – Еще дома у Анны Семеновны можете поискать.

– Мы так и сделаем. Выставим возле ее дома караул и...

– Нету там никого! – не выдержала и воскликнула Ната. – И не такая Анна Семеновна у нас дурочка, чтобы прятать беглянку у себя дома! Караульте там хоть до посинения, Елизавету Николаевну не увидите!

Слава расстроился.

– Что же делать? Хозяину нужен результат. Вечером мне предстоит отчитываться перед ним, а что мы успели узнать? Ровным счетом ничего! Ладно, созвонимся.

Ната к этому времени уже сунула ключ в замочную скважину своей двери. Она совсем забыла, что мама может оказаться дома. И, когда дверь распахнулась, обе женщины испуганно вскрикнули. Ната кричала от неожиданности. А мама... мама понятно почему.

– Наташка! Что с тобой!?

Мама буквально посерела, увидев свою дочь. Ната и думать забыла о том, что случилось с ее лицом. И сейчас проклинала себя за легкомыслие. У мамы давление, ей нельзя волноваться. А тут дочь приходит в жутком распухшем виде.

– Ничего. Была в салоне красоты.

– Тебя изуродовали!

– Это маска. Сейчас я ее смою!

И Ната нырнула в ванную, где заперлась изнутри. И, не обращая внимания на мамины крики, принялась тереть лицо. Но что такое? Ни мочалка, ни мыло, ни горячая вода не помогали избавиться от жутких синих пятен. С огромным трудом Нате удалось отклеить пластырь, вернув нос в изначальное положение. Сразу стало лучше. Ната вынула ватные шарики, которые перекашивали ее лицо, стало еще лучше. Но багровая синева у глаз все равно пугала. И самое скверное – что она не желала никуда исчезать.

– Правду Гришенька сказал, стойкий грим.

Ната обнаружила средство для снятия макияжа, протерла лицо им. Синева чуть-чуть побледнела. Из багрово-синюшных синяки сделались небесно-голубыми. Казалось, что у Наты на лице очки оригинального цвета. Ната протерла еще раз, но ничего не изменилось. Видимо, наружную часть краски лосьон снял, а до той, что уже впиталась в кожу, ему было не добраться. В принципе изъян был небольшой, поэтому Ната решила махнуть на него рукой. Она открыла дверь, и в ванную буквально ворвалась мама.

– Что у тебя с лицом?

Она впиалась сумасшедшим взглядом в лицо дочери и сразу же успокоилась.

– А! Немного с тенями переборщила. Ничего страшного. А то уж мне показалось...

– Что?

– Не важно. Ужинать будешь?

Мама вела себя как-то странно.

И прежде, чем ответить ей утвердительно, Ната уточнила:

– А что у нас на ужин?

– Курочка с картофельным пюре и зеленым горошком.

– Курочка жареная? – еще более подозрительно спросила Ната.

Понять ее было можно. В последнее время у мамы появились какие-то кулинарные причуды. То она мясо тушила в наборе таких странных пряностей, что у Наты потом еще долго во рту переливалось разнотравье, а запах от него медленно выходил через нос и уши, и самой себе Ната казалась насквозь пропахшей карри и куркумой. То курица подавалась в белом соусе, разобранная от хрящей и косточек, начисто лишённая, на взгляд Наты, всякой привлекательности. Какое-то раскисшее белое месиво, а не курица. Эти мамины экспромты совершенно не нравились Нате, которая во всем предпочитала постоянство. Поэтому сейчас она и заподозрила маму в стремлении скормить ей очередной кулинарный шедевр.

Но мама с готовностью откликнулась:

– Жареная! Горошек вареный, а пюре давленное! Словом, все, как ты любишь.

– Тебе от меня что-то надо, – догадалась Ната.

Но мама начала ее уверять, что желание у нее одно-единственное, повкуснее и посытнее накормить свою дочурку. И Ната смягчилась. Ладно, должно быть, временное кулинарное помрачение у мамы закончилось. Очень хорошо. Вкусный ужин будет сейчас как раз кстати. Курочка оказалась именно такой, как она и любила, с хрустящей темно-золотистой кожицей, соленьюшкой и перчененьюшкой. Мясо было сочным. Горошек зеленым с кусочком сливочного масла, которое аппетитно подтаивало на самом верху гастрономической композиции, заливая его своими тонкими маслянистыми ручейками. Во время ужина Нате казалось, что мама соби-

рается ей что-то сказать. Она то и дело открывала рот, но, так и не решившись, снова закрывала его.

После основного блюда Ната извлекла из кармана те фрукты, названия которых не знала и которые прикарманила в доме Валентина Петровича. Мама их вкус одобрила, но настояла на том, чтобы Ната тоже полакомилась вместе с нею. Мама сидела рядом и наблюдала за каждым кусочком, который Ната отправляла себе в рот.

– Вкусно, доченька?

– Да. Очень. Спасибо. А тебе?

– Мне тоже.

Мама еще немного помолчала. А потом все же решилась:

– Нам ведь очень хорошо живется вдвоем, правда, доченька?

– Хорошо, конечно.

– Но у тебя появился этот Гена. А у меня...

И мама замолчала, выдерживая интригу.

– У тебя тоже кто-то появился?

– Знаешь, да. И я завтра к нам на ужин пригласила одного хорошего человека.

– И что это за человек?

– Мужчина.

– Ого. Даже так! И что за мужчина?

– Зовут его Петр Николаевич.

И дальше на Нату полилась поистине удивительная сага о том, как ее мама, будучи уже дамой весьма в преклонных годах, полюбила, да еще как полюбила!

– Как я люблю Петра Николаевича, так я не любила никогда в жизни. Мне вообще кажется, что, только узнав его, я полюбила впервые в жизни.

– Подожди, а как же мой папа? Его ты разве не любила?

– Твой папа?.. – в голосе мамы слышалось сомнение. – Ты уже прости, не хочу говорить о нем плохо, но это был не тот человек, который мне нужен. Твой папа никогда не был хорошим семьянином, и сам сознавал этот свой недостаток.

– Папу ты не любила. А твой первый муж... Эдмонд, кажется? Его же ты любила?

– Это была всего лишь ошибка моей юности.

– А Владимир Сергеевич?..

– На него я кинулась от отчаяния. После развода с твоим отцом ничего путного мне не встречалось, а на безрыбье, как говорится, и рак – рыба. Вот я и стала встречаться с Владимиром Сергеевичем.

– Раз уж мы заговорили про рыбу, а как же тот механик с китобойного судна? Не помню, как его звали? Витя? Он еще потом слал нам посылки с бивнями моржей? Да не в подарок, а для последующей реализации.

– Виктор Андреевич. Как же! Помню! Очень положительный мужчина. К сожалению, оказалось, что у него жена во Владивостоке. Конечно, она мне никак не мешала, а я ей, соответственно, тоже, но мои принципы подсказывали мне, что нужно расстаться. Хотя порой я думала, что если бы моим принципам помолчать, то было бы куда лучше. Но даже его я не любила так, как люблю Петра Николаевича.

– И давно это у вас с ним?

– Давно. Уже месяц, как мы встречаемся.

– И это ты для него стала готовить всякие там тушеные овощи, рыбу на пару и всякую другую гадость?

– Это не гадость! Петечке очень нравится моя стряпня. И у него язва желудка. Ему нельзя жирное, жареное или острое.

– А с пряностями можно?

– Куркума обладает целебными свойствами.

Ната осмотрела остатки их совместной трапезы, которая была исключительно вкусной, и спросила:

– А от меня ты чего хочешь?

– Хочу, чтобы ты была мила и приветлива с Петей. По-настоящему мила, а не как в случае с Владимиром Сергеевичем.

– А в чем дело? Что я не так сделала?

– Ты же ему сказала, что по сравнению с твоим отцом, он ноль и пустое место.

– Сказала ему чистую правду.

– Но Владимир Сергеевич огорчился.

– В том нету моей вины.

Мама рассердилась.

– Вот ты какая! Сама встречаешься с этим увальнем Генкой, требуешь, чтобы я ему улыбалась и называла Геночкой, а мне палки в колеса ставишь! А Гена, между нами, мне ни капельки не нравится. Но я держусь с ним вежливо!

– Особенно когда интересуешься размером его заработной платы и удивляешься, почему она у него такая маленькая.

– Но это же и впрямь странно, что грузчик с незаконченным средним образованием получает так возмутительно мало. Обычно такие люди устраиваются на весьма высокооплачиваемую работу.

– Сколько раз тебе повторять, что он не грузчик, а водитель электроштабелера. И Гена оканчивал специальные курсы. У него и диплом об их окончании имеется.

Мама в ответ прошлась по поводу ценности диплома, который некоторые получают за два месяца, потом сравнила с дипломом, которые другие добывают за пять лет, сравнила зарплаты, которые получившие эти дипломы имеют, и пришла к выводу, что диплом – скорее помеха, чем помощь в устройстве на работу. Натe надоели эти глупости, которые изрекала ее мать исключительно с единственной целью – позлить Натu и отплатить ей за то, что дочь не хочет быть приветливой, милой и любезной с неким Петечкой – любителем вареной курицы и соуса с карри.

А Натe и впрямь было противно. Мама – уже такая глубоко пожилая дама, ей бы о душе подумать, о тепленьком местечке в раю, а мама все норовит построить себе рай в шалаше тут, на земле. Куда это годится? Дочь еще не замужем, а мама все норовит вперед дочки фату на себя напялить. Ната ушла к себе в комнату и отгородилась дверью от маминых упреков, недоеденной маминой курицы и зеленого горошка, которые были, оказывается, подкупом.

Но мама крикнула ей через стенку:

– Учти, Петр Николаевич все равно к нам придет.

– Пусть приходит. Но есть паровые котлеты я даже ради тебя не стану!

– Поджарю их отдельно. Специально для тебя! Если у тебя хватит совести пожирать их на глазах у больного человека, сделай такое одолжение.

Ната завершила, что совести у нее хватит. И на этом разговор с мамой прекратился.

От нечего делать Ната позвонила Генке. Вообще-то она полагала, что Генка должен был позвонить ей сам. Но ни одного вызова от него не наблюдалось. Хуже того, когда позвонила сама Ната, трубку он не взял. Несколько удивленная и встревоженная, она позвонила ему еще раз, потом еще и еще. Наконец Гена ответил. Он был пьян, это Ната поняла с первых же произнесенных им слов. Гена, как говорится, лыка не вязал. Кроме того, на заднем фоне раздавались звуки какой-то отвязной музыки и женские крики, тоже отвязные, пьяные и дикие.

– А-а-а! Натулик – гулена прорезалась! Чем обязан такой честью?

– Что у тебя там происходит? Ты где?

– Где? В...

И Генка выругался. Ната оторопела окончательно. Обычно Генка себе такого не позволял. И напиваться раньше никогда не напивался. Нет, он мог выпить три рюмки за ужином и рюмок десять на свадьбе или празднике, но рамок приличия никогда не переходил, чем изначально и привлек к себе Нату. Такого безобразия, которое происходило с ним сейчас, Ната за все время их отношений не могла припомнить.

– Гена, что с тобой происходит?

– Нагулялась? – заорал в трубку кавалер. – Все! Свободна!

– Что?

– Можешь гулять дальше!

И повесил трубку. Ната попыталась перезвонить, наткнулась на сигнал отбоя, потом еще раз, а потом плюнула. Если Генка такой дурак, что думает, будто бы она ему с кем-то изменяет, то пусть пасется со своими крикливыми телками дальше. А она... А чем займется она? На работу ей выходить пока что нельзя, у нее отпуск. Кавалера у нее теперь нет, к Генке не уедешь. С мамой она в контрах, значит, дома находиться тоже нежелательно. Мама, конечно, ничего ей не скажет, но будет ходить, вздыхать и всем своим видом требовать извинений. А извиняться не хочется.

И что же ей делать? Куда податься?

Стоило Нате хорошенько прочувствовать всю отчаянность ее положения, у нее зазвонил телефон. Думая, что это звонит Генка, который образумился и теперь хочет помириться, Ната ответила, не глядя. Но голос принадлежал не Генке, это был совсем другой голос, смутно знакомый, но все равно чужой.

И голос сказал:

– Мы принимаем твоё предложение. Завтра поедешь в Александровскую.

– Что? Куда? Куда я поеду? Кто это вообще?

– Ты меня не узнала? – здорово удивился голос. – Это же Роман.

Ну конечно, голос прекрасного Романа нужно было узнавать с лету.

Роман немного попыхтел с досады, что его успели забыть, но потом все же продолжил:

– Завтра ровно в семь утра за тобой заедет водитель, так что будь готова к этому времени.

На месте тебе нужно быть в половине девятого, а на дороге могут быть пробки. Это все, что я хотел тебе сказать.

– Подожди, а зачем это мне ехать в Александровскую? Может, я не хочу.

Возникла пауза. Потом Роман процедил сквозь зубы:

– Тебе достаточно заплатили, девочка. Не пытайся выудить у нас еще какие-то деньги.

Пока что ты и те пятьсот кусков, которые уже получила от моего отца, не отработала.

– Я совсем о другом. Что там, в этой Александровской?

– Там находится дом Толстухи. И Антонина тоже там. Им нужна младшая горничная.

Ты побудешь ею.

– Как это? А если я не сумею? Я же никогда не работала горничной.

– Сумеешь. Пыль вытирать не сложнее, чем с подносом бегать.

– Но они могут меня не взять! Я могу им не понравиться!

– Во-первых, кто это они? Кроме Антонины, там никого не будет. А во-вторых, у тебя будут такие рекомендации, что тебя возьмут.

– От твоего отца?

– Нет. Как раз про отца лучше не упоминать. Мое имя тоже вслух произносить не приветствуется. Ты должна делать вид, что к нашей семье ты вовсе никакого отношения не имеешь. Абсолютно посторонняя девица. Легенда такова: ты потеряла работу, потому что твои прежние хозяева, некие Абрамовы, уехали жить за границу, а дом свой продали. Жить тебе сейчас негде, поэтому ты ищешь место с проживанием.

– Хочешь, чтобы я внедрилась лазутчиком в дом твоей мачехи?

– Это же твое предложение.

– Но я не ожидала, что ты его примешь. Ты же был против.

– Мне нужно было время, чтобы все подготовить. Чтобы все прошло гладко. А теперь можешь не переживать, все твои рекомендации будут высшего качества. Антонина не сможет тебе отказать. Тем более что сегодня ей господа Абрамовы уже насчет тебя писали, отзывы о тебе были даны самого высокого уровня.

– Как же они обо мне писали, если они меня в глаза не видели?

– Эти люди кое-чем обязаны одному человеку, который, в свою очередь, обязан мне. Не суть! С завтрашнего дня ты горничная в доме Толстухи. Жду от тебя отчета каждый вечер с десяти до полуночи. Все! Адью!

И отключился. А Ната, взглянув на часы, стала готовиться ко сну. Что же, по крайней мере, многие ее проблемы решились сами собой. И завтра ей будет где преклонить голову, даже если придется уйти из родного дома. Ведь если Нату возьмут горничной в дом Елизаветы Николаевны – а ее туда возьмут, – то также предоставят ей и комнату, в которой Ната и проживет какое-то время.

А значит, ей не придется знакомиться с маминим Петечкой. И мириться с Генкой раньше времени тоже не придется. Вот и отлично, пожалуй, она вовсе не станет ни с кем разговаривать, раз они все такие противные, а целиком сосредоточится на расследовании исчезновения супруги олигарха.

Глава 4

На следующий день ровно в половине девятого Натка уже стояла у дверей нужного ей дома, находящегося в окрестностях поселка Александровская. Окрестности были самые что ни на есть живописные. Неподалеку находился Александровский парк, любимая летняя резиденция представителей династии дома Романовых. И жить в непосредственной близости от бывших царских владений, конечно, было не только приятно, но и престижно. А что престижно, то обычно бывает и дорого.

Ната быстро нашла нужную улицу и дом. На воротах было написано «Два клена». С двух сторон и впрямь росло два красавца клена. Сам дом, как и ожидалось, был окружен высоким забором, сложенным из красного кирпича. Из такого же кирпича был сложен и дом, и весь его вид напоминал о лихих девяностых, когда девизом любого предпринимателя было изречение «Твой дом – твоя крепость».

По крайней мере, осуществлять охрану такого объекта куда проще, чем построенных по нынешней моде домов. Там все на просвет, сплошное стекло и витринные окна, а тут все основательно. Попробуй пробейся!

На окнах решетки. Часть оконных проемов и вовсе были заложены кирпичом. Оставалось лишь догадываться, по какой причине строители решились заменить оконное стекло на кирпич. Вряд ли такова была изначальная задумка архитектора. Ната стояла и глазела на фасад дома. Три окна на стене второго этажа – арочные со стеклами, а четвертое лишь стилизовано под него, но на деле – сплошная стена, арка лишь намечена цветным кирпичом. То же самое просматривалось на восточной стене. Итак, два окна в угловой комнате были заложены кирпичом. И зачем?

Лишние окна не понадобились? Сочли, что в угловой комнате и так слишком много окон? Холодно показалось? Сквозняк? Или что?

Но пора было уже дать знать о себе. И едва Ната позвонила в массивную железную калитку, как во дворе тут же зашлись басистым лаем собаки. Судя по голосам, их было не одна и не две, а сразу несколько. Дверь Натке тоже открыли не сразу. Сначала распахнулось маленькое зарешеченное окошечко, через которое ее обозрел с ног до головы угрюмого вида дядька в форме охранника.

– К кому?

– К Антонине. Я новая прислуга.

– Вместо Фимы?

– Наверное. Мои прежние хозяева сказали, что я могу приехать на собеседование.

– У кого служила?

– В семье Абрамовых.

На этом допрос и закончился. Видимо, фамилия была знакома охраннику, потому что он наконец-то открыл дверь. И Ната тут же ахнула, увидев рядом с охранником двух огромных мохнатых собак. Каждая из них была ростом с теленка, а капающая из открытых пасть слюна могла бы полить небольшую клумбу.

– М-мам-м-ммма! – промычала Ната, хотя вообще-то собак не боялась и даже дружила с некоторыми из них.

Но, глядя на этих огромных зверюг, Ната помимо воли представляла, как их белые и очень острые зубы впиваются в ее плоть, начинают ее рвать на части. Фантазии не из приятных.

– Бакс! Мухтар! Сидеть!

И собаки тут же плюхнулись на землю.

– Послушные, – одобрила Ната. – Радует.

Взгляд у собак был по-прежнему настороженный, но лаять они перестали. Огромные головы, обрезанные уши и обрубленные хвосты. Сразу ясно, бойцы из них первоклассные.

– Мне можно пройти?

– Иди.

Никаких тебе «Добро пожаловать», ничего похожего на приветливость.

Ната сделала шаг, собаки тут же вскочили, с явным интересом глядя на нее. «Ну что же ты, – читалось на их мордах. – Давай, побегай. А мы за тобой погоняемся». Они даже хвостами от возбуждения начали помахивать, предвидя забаву. Но Ната сделала над собой усилие и протянула собакам руки. Понюхать. Собаки удивились, но пальцы обнюхали. Видимо, запах им понравился, потому что они придвинулись поближе и начали нюхать Нату уже более основательно. Один пес дышал ей в ухо, второй исследовал область живота вокруг пупка. Чем-то она его заинтересовала, уж неизвестно чем. Разве что тем, что пахла курицей, которую Ната везла в сумке, а сумку держала на животе.

– Хорошие собачки. Очень-очень хорошие собачки, – приговаривала Ната, изо всех сил стараясь, чтобы голос у нее звучал как можно убедительней. – Друзья!

Собаки слегка завили хвостами. Совсем чуть-чуть, но и это было уже хорошо. Ната не спешила. Она дала собакам вдоволь надышаться ею, позволила им обнюхать себя с головы и до ног, все время уверяя жутких громадин, что они ее лучшие друзья и хорошие собаки. Потом полезла в сумку и извлекла оставшуюся от вчерашней курицы грудку, что вызвало у собак еще большую симпатию к ней. Охранник на что-то отвлекся, поэтому Ната быстро скормила мясо собакам, честно разделив грудку поровну между ними двумя. Конечно, таким махинам одна-единственная куриная грудка была, как говорится, на один зуб. Но ритуал закрепления дружбы был проведен.

После чего Ната уже спокойно пошла к дому, причем собаки бежали рядом, сопровождая ее. Вид у них перестал быть угрожающим. Кажется, они приняли ее в свою стаю. Теперь оставалось убедить их в том, что в стае место Наты отнюдь не последнее. Но с этим можно было и повременить. Сейчас главной задачей было завоевать доверие Антонины и тех, кто еще обитает в этом доме.

Ната оглядывалась по сторонам и с восхищением понимала, что над этим садом кто-то много и старательно трудился. Каждый клочок тут был либо укрыт мягчайшим газоном, либо украшен цветами или кустарниками. На газоне трогательно голубели островки вероники и розовели крошечные маргаритки. Пионы уже готовились зацвести, развернули ажурную листву, выдвинули свои налившиеся цветом шарики. Кусты были огромные, таких Натe еще не приходилось видеть. Наверное, когда они зацветут, сад наполнится невыразимой красотой и ароматами. Но пока что активно цвели лишь поздние тюльпаны, зато их было столько и такой красоты, что взор невольно разбегался по сторонам.

Шикарные махровые, резные, ажурные. Цветки полные, некоторые стебли так и клонятся к земле, словно не в силах держать тяжелые шапочки цветов – их приходилось поддерживать с помощью специальных держателей. Зато другие стоят прямо. Розово-белые, алые с прожилками, желтые с оранжевыми мазками, белоснежные, сиреневые и даже фиолетовые, словно школьные чернила.

Внезапно Ната услышала окрик. Обернувшись, она увидела охранника, который показывал ей куда-то за угол. Похоже, надо было свернуть туда. Ната так и сделала. Дорожка сразу же сделалась уже, цветов вокруг стало заметно меньше, и они были уже не такими изысканными. Никаких махровых тюльпанов и моря нарциссов. Обычная отцветающая уже форзиция, уронившая на траву всю свою золотистую красоту, и спирея, белеющая длинными, спускающимися к самой траве ветками.

– Мне к служебному ходу. Как это я сама не сообразила! Поперлась господской дорогой, вот дуреха!

На крыльце Нату уже ждала женщина лет сорока пяти. Она молча смотрела на приближающуюся к ней Нату, не делая ни малейшей попытки заговорить или как-то поприветствовать вновь прибывшую.

Нате пришлось заговорить первой.

– Доброе утро, – улыбнулась она. – Вы – Антонина?

– Меня зовут Клавдия, – отчеканила эта особа, даже не попытавшись ответить на улыбку. – Я старшая над домашней прислугой. И, если хозяева тебя возьмут, главная для тебя буду именно я!

Ната кивнула. Она была не против.

– Сейчас я проведу тебя к Антонине Николаевне. Никаких Антонин! К хозяевам обращаться только по имени и отчеству. Усекла?

– Усекла.

– Тогда марш за мной!

Приведя Нату в небольшой холл, она заставила ее переобуться, выдав тапочки вроде тех, что дают в отелях или поездах. Они были из простенькой махрушки и вряд ли могли прослужить долго. Но они были запакованы в целлофан, и было ясно, что ими никто не пользовался. В ящике было еще множество таких упаковок, и Нате внезапно стало интересно: если ее не примут, сможет она взять тапочки с собой?

– Ты что, заснула?!

Окрик подействовал. Ната быстренько переобулась, сняла свою курточку, и они прошли на второй этаж. Дом был не то чтобы особенно велик. Никакого сравнения с хоромами самого Валентина Петровича. Тут все было куда проще и доступней для жизни. И все же на втором этаже Ната насчитала шесть дверей. Но, возможно, за одной из них была ванная комната, а за другой туалет или подсобка. Машинально Ната отметила, что одна из дверей отличается от остальных. Первые пять были самыми обычными, а шестая оказалась металлической. Мысленно представив себе план дома, Ната поняла, что железная дверь как раз и ведет в ту комнату, в которой окна были заложены кирпичом.

Но Клавдия уже постучала в одну из обычных дверей.

– Войдите, – раздался слегка надтреснутый голос из глубины помещения.

И Клавдия кивнула Нате, приглашая ту войти. Девушка вошла. Сперва она удивилась царящей в комнате полутьме. Потом поняла, что окна до сих пор задернуты плотными шторами.

– Это ты служила у Абрамовых целый год?

Все тот же голос шел от огромной кровати, на которой в ворохе подушек и одеял возлежала пожилая и очень упитанная женщина. На голове у нее был чепец. Ночная рубашка покрыта многослойным кружевом. Сама обстановка комнаты казалась вырванной откуда-то века из девятнадцатого. Этакая мелкая помещица, принимающая прислугу у себя в спальне. Лицо у «помещицы» оказалось одутловатым и какой-то неправильной формы, словно бы его долго мяли, стараясь придать округлость, да так и не сумели и бросили это дело, оставив вмятины и выпуклости там, где им быть совсем было не нужно.

– Что же ты молчишь? Или ты немая?

– Да. То есть нет.

– И как тебя понимать?

– Да, я служила у Абрамовых. Нет, я не немая.

– Они мне писали про тебя. Очень хвалили. Мне ты не кажешься такой уж расторопной. Но я беру тебя с испытательным сроком. Что у тебя с лицом?

А что у нее с лицом? Ната хотела задать этот вопрос, но сообразила, что Антонина имеет в виду синеву вокруг глаз, которая все еще сохраняла свою сочность.

– Неудачный макияж.

– Смой. Ты похожа на больную сову.

– Хорошо.

Антонина осталась довольна.

– Скажешь Клавдии, чтобы она все тебе растолковала про твои обязанности. Иди.

И Ната вышла, так и не составив твердого мнения об этой Антонине. Но тяжелый запах лекарств, который витал в спальне женщины, говорил о том, что она явно нездорова. И все-таки здорова или нездорова, а комнату проветривать надо. Свежий воздух куда полезней, чем собственные бактерии, которыми приходится дышать женщине.

– Взяли?

– Да. С испытательным сроком.

– Поздравляю. Значит, раньше работала у Абрамовых? И как они поживают?

– Уехали.

– Все?

– Все.

Ната боялась, что неугомонная Клавдия поинтересуется, куда это отправились господа Абрамовы.

Но Клавдия вместо этого спросила:

– И Юрий Захарович уехал? И Елена Станиславна?

– Да, – ответила Ната.

В душе она проклонила Романа, который не догадался снабдить ее подробным перечнем членов семьи Абрамовых. Хорошенькое дельце, если сейчас выяснит, что Ната вовсе не помнит имен людей, у которых проработала целый год.

А Клавдия все не унималась.

– Галина Стефановна тоже с ними укатила?

Ната кивнула.

И, чтобы предотвратить шквал новых вопросов, спросила сама:

– А что с хозяйкой? Она больна?

– Увы, Антонина Николаевна немного приболела. Нервные переживания подкосили ее здоровье. Она почти не выходит. Но тебя это не должно касаться. В верхние комнаты тебе путь закрыт. Тебя касается лишь грязная посуда на кухне, пыль в нижних помещениях и... Пожалуй, пока с тебя хватит. Когда освоишься, прибавлю тебе еще работы.

И Ната была препровождена на кухню, где обнаружила гору грязной посуды, оставшейся после завтрака домочадцев. На кухне была еще одна женщина. С пухлыми румяными щечками, жизнерадостная и кругленькая, какой может быть только повариха. Она радостно приветствовала появление Наты:

– Как хорошо-то! Принимайся быстрее за посуду. А мне недосуг, мне с обедом бы управиться.

На плите уже булькали три кастрюли и шкворчала сковородка, на которой обжаривался лук, распространяя вокруг себя одуряющий аромат. Ната сглотнула слюну. Она вышла из дома, так и не успев позавтракать. Думала, что перекусит где-нибудь в дороге той курицей, которую отдала собакам, но ехала она вместе с Романом. А лакомиться на его глазах остатками вчерашнего ужина ей показалось как-то неловко. Наверняка Роман привык завтракать совсем в иных условиях, и ничто не помешало бы ему съязвить насчет того, как это происходит у Наты.

К счастью, Клавдия вскоре вышла, а без нее повариха мигом утратила деловой вид, забыла про свои кастрюли и плюхнулась обратно к столу. Откуда-то мгновенно появились две кружки из яркого фаянса, наполненные до краев крепким чаем, тарелка с бутербродами с ветчиной и еще одна тарелка, на которой розовела молоденькая редиска с белыми хвостиками, свежий укропчик и нежные листья салата.

– Угощайся! Вид у тебя бледный. Знаю я вас, молодежь. Небось вскочила и сразу бежать? Хорошо, если кофейку глотнула. А уж про кашу и думать не думала, да?

Ната призналась, что это так и есть. И повариха, которую звали тетей Катей, объяснила Натe, что так не годится.

– Тут недолго и гастрит или даже язву заработать себе. И что потом будешь делать? Лечить? Долго, да и не факт, что вылечишь. Куда легче предупредить болячку. Вот я, к примеру, в семь утра уже поела рисовой каши, да не на воде и без соли, как хозяйева едят, а со сливочками, сахарком да яичным желточком. Еще осталась. Хочешь?

В целях установления добросердечных отношений Ната согласилась, хотя очень сомневалась, что человеку с язвой такая жирная каша пойдет впрок. Но, с другой стороны, повариха-то явно любительница почесать языком, а болтун, как известно, находка для шпиона. Себя Ната именно таким шпионом и считала. Поэтому она отведала каши, которая, кстати говоря, оказалась и впрямь очень хороша.

– Кушай, девонька, – приговаривала тетя Катя, которая и сама наворачивала ложку за ложкой. – Ешь да принимайся за работу.

Это было не совсем то, на что рассчитывала Ната, но пришлось покориться. Грязную посуду она мигом рассовала в посудомойку, включила и заявила вошедшей Клавдии, что с работой покончено. Та ахнула, выключила машину и устроила Натe головомойку. Заодно и Катерина за недосмотр влетело. Но Катерина мигом стушевалась, заявив, что у нее своя работа и нечего на нее перекладывать еще и чужую. Так что отдувалась одна Ната. Оказалось, что среди грязной посуды затесалось несколько предметов из хозяйского сервиза. А его надлежало мыть только вручную.

– Мейсен! – тряслась от возмущения Клавдия. – Деятнадцатый век. Ручная роспись и позолота. Посудомойка просто погубит эту посуду!

– Буду мыть руками.

– И будь с этой посудой осторожна. Каждая чашка стоит больше, чем твое жалованье за месяц!

Надо ли говорить, что после такого внушения Ната почти сразу кокнула одну из ценных чашек. К счастью, тети Кати в этот момент в кухне не было, так что Ната раскрошила осколки и ссыпала их к себе в карман. Она очень надеялась, что нужной чашки недосчитаются уже потом, после того как она покинет этот дом. Клавдия то и дело появлялась в кухне, чтобы проверить, как идут дела у ее помощницы. Ната уже поняла, что, назвав себя старшей над прислугой, Клавдия сильно погорячилась. В подчиненных у нее была одна Ната. Тетя Катя была сама по себе, а приходящие разнорабочие вовсе к числу постоянной прислуги не относились. Так же как и охранники. Никем из них Клавдии командовать не позволялось.

– Поэтому Клавдия так и обрадовалась. Теперь ей есть кем покомандовать. Ишь, так и шныряет, так и шныряет туда-обратно.

Клавдия появилась очередной раз.

– Что-то плохо ты справляешься со своими обязанностями. Или тебе у Абрамовых мыть посуду не приходилось?

– Не приходилось, – буркнула Ната, и на сей раз сказала чистую правду.

– А чем же ты у них занималась?

– Сервировкой стола. Обслуживала хозяев во время еды.

– Вот как? Тогда пойдем со мной.

Клавдия привела Нату в столовую, где в центре стоял большой овальный стол, возле которого Ната насчитала двенадцать стульев.

– Накрывай на шесть персон.

На сей раз Клавдия никуда не ушла, осталась и пристально наблюдала за действиями Натy. Тут уж Ната лицом в грязь не ударила. До того, как пути-дорожки привели Нату к порогу

их милой, почти домашней столовой, девушке довелось поработать в дорогом ресторане. И тамошнюю школу она запомнила надолго. Какие и в каком порядке выкладывать приборы, с какой стороны ставить бокалы. Даже салфетки умудрилась накрутить.

Клавдия была вынуждена признать мастерство Наты:

– Ну, допустим, сервировку ты знаешь. Где ты раньше работала?

– У Абрамовых.

– Вот это ты мне не ври!

– Я не вру.

– Я же тебя сегодня не случайно насчет Юрия Захаровича и Елены Станиславны спросила. Нету у Абрамовых в семье никого с такими именами. Я специально тебе от балды первые попавшиеся назвала, чтобы тебя проверить. И поняла, что никогда ты у Абрамовых не служила.

Ната покраснела. Какой чудовищный провал! Просто караул! В первый же день так опростоловолоситься. Теперь эта Клавдия помчится к Антонине и наябедничает ей. И, конечно, Нату тут же с позором изгонят. Но Клавдия молчала.

– Так кто ты такая?

Врать дальше по-прежнему не имело смысла. Нужно было придумать что-нибудь другое.

– Вы меня раскусили. Признаюсь, я никогда не работала ни у каких Абрамовых. Это моя подружка у них работала. Она и попросила у них рекомендации якобы для себя. Но сама-то она давно себе уже новое место нашла, а я вот без работы осталась.

– Что же ты у своих прежних хозяев рекомендаций не попросила. Или провинилась в чем?

– Нет, просто им не до рекомендаций было.

– Почему?

Вот настырная! Почему да почему? Но пришлось Нате врать дальше.

– Там хозяина посадили. Чиновник он был, проворовался. Стали расследовать, оказалось, что он в свои махинации и отца родного втянул, и жену, и сына. Все с ним в доле были. И еще там какие-то дальние родственники участвовали. Вот всей своей дружной семейкой они из бюджета денежки воровали. И не один год это все длилось. Но, сколько веревочке ни виться, конец все равно найдется. На мое несчастье, он нашелся как раз при мне. Двух недель не успела у них отработать, как их всех и посадили. Одного на пять лет, другую на три, кому-то полгода дали, кому-то год. Всю прислугу уволили, дом закрыли.

– А до этого?

– Там тоже нехорошо вышло. Муж своей жене изменял много лет подряд. А как я пришла, жена его как раз и застукала. Тоже криминал. Жена любовницу порешила, муж жену искалечил. Оба в тюрьме. Дети у родственников. Мне расчет.

– А перед этим?

– Ну, это я даже рассказывать не хочу.

– Рассказывай!

– Там у хозяина подпольная студия по изготовлению порнофильмов была с участием несовершеннолетних. Ну, такое у человека хобби было. И надо же такому случиться, что у этого типа собственные дети оказались очень совестливые да правильные чересчур. И вот родные детишки этого «режиссера» грязную стряпню в Интернете увидели и, не подозревая, что автор их собственный отец, решили изготовителя фильмов разоблачить. И разоблачили. И отца посадили. Деток в интернат. А меня...

– А тебя уволили? Да, похоже, ты какая-то «черная вдова», только для своих хозяев. Куда ты ни придешь, всюду за тобой несчастье да беда в дом приходят.

– При чем тут я?! – возмутилась Ната. – Если один порнуху с участием подружек своей дочери снимает, я виновата? Если муж жене изменяет, да не со мной, тоже моя вина?! А красть из бюджета я вовсе никого не заставляла, они сами все еще до меня до мелочей продумали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.